

Маленький голос неограниченных возможностей

Чечилия Бартоли спела в Москве

Коммерсантъ - 2004 - 4 нояб. - с. 21

гастроли вокал

Знаменитая оперная дива Чечилия Бартоли, многими без обиняков называемая лучшей оперной певицей мира, снова показала себя на отечественной концертной сцене. В рамках международной программы «Звезды мира — детям», которую проводит благотворительный фонд «Мир искусства», певица дала концерт в Большом зале Московской консерватории. Вопреки распространённому мнению о «маленьком голосе» певицы, к всеобщим восторгам присоединился **СЕРГЕЙ ХОДНЕВ**.

О московской публике после своего первого концерта в 2001 году Чечилия Бартоли отзывалась весьма прочувствованно, и когда президент фонда «Мир искусства» Владислав Тетерин пригласил ее вновь выступить в России, она отозвалась вполне благожелательно, невзирая на то что график ее выступлений расписан на многие годы вперед. Здешняя публика, надо признать, отвечает ей полной взаимностью, и есть за что. Хотя бы по впечатлению от ее личности. Ведь, казалось бы, певица-эрудитка, мастерица создавать оранжерейно-изысканные программы несомненного музыковедческого достоинства — но держится и ведет себя удивительно просто и обаятельно. И, кроме того, открыта, добродушна, обходительна: после большого и сложного концерта, где она выкладывалась с просто-таки тайфунной мощью, госпожа Бартоли прилежно отправилась в фойе раздавать автографы публике. А публики были толпы, и толпы эти находились в пароксизме восторга.

Вообще-то чисто хронологически московский и петербургский концерты оперной суперзвезды вписаны в ее турне в поддержку последнего альбома арий Антонио Сальери. В силу некоторых организационных причин, однако, в Россию примадонна приехала с совсем другим репертуаром, которым она блистала на предыдущих стадиях карьеры (соответственно, и сопровождал ее не оркестр, как в прошлый раз, а пианист Сержо Чомеи, аккомпанировавший певице чутко и интересно). Во-первых, песни Россини, Беллини и Доницетти, программа ее давнишнего альбома «Italian Songbook». Во-вторых — французские песни и романсы Бизе, Делиба, Берлиоза, опять-таки Россини, а также две редкостные песни Полины Виардо; этот репертуар также лег в основу одного из ее альбомов конца 1990-х. В общем, композиция вышла довольно цельной; получалась, как сама легендарная оперная певица выразилась, «музыка парижских салонов» — итальянских оперных композиторов в пресловутых салонах ведь тоже весьма жаловали.

Но как же это было не похоже на салонное музицирова-

Благодаря фонду Владислава Тетерина (справа) московская публика вновь с удовольствием прикоснулась к таланту Чечилии Бартоли (в центре)

ФОТО ЮРИЯ МАРТЬЯНОВА

ние! Как ни странно, но это и на камерную музыку не было похоже — если за эталон последней брать немецкие Lieder с их исполнительской культурой, летящей субъективной лиризм и комнатную выразительность. Канцоны знаменитых итальянцев и так-то куда больше ориентированы на стихию музыкальные посиделки. А уж у Чечилии Бартоли и подавно самая задушевная лирика все равно подается с по-актерски жаркой объективированностью. Скажем, то, что ее невероятные фиоритур — настоящее чудо света, к этому еще можно хоть кое-как быть готовым. К ее изумляющей сценической яркости быть готовым невозможно, она берет врасплох самой своей калейдоскопичностью. Что ни песня, то крупный, четкий образ. Что ни эмоция, то всполох: если прописана несколько наивная любовная тос-

ка («Я сажусь за свою прялку, но нитка падает из рук. Ах ладно, буду прясть завтра, сегодня мне слишком грустно» — это из Виардо) — то певица, помогая себе жестикуляцией, из интонаций и оттенков своего голоса сплетает картину такого величественного страдания, что в пору слезам наворачиваться. Если имеется в виду мягкий, игривый юморок (как в песне Бизе «Божья коровка») — долой слезы, со сцены льется заразительная вокальная буффонада. Среди которой вроде бы только что стонавшая, как раненая львица, героиня вечера нет-нет да и отпускала неожиданную шутку вроде визгливо-носowego «голоса божьей коровки». Самое удивительное, что эти метаморфозы, эта укрупненная образность и эти неостановимые чудеса вокальной техники не утомляли, не приедались, а с каждым номером только все больше расправлялись и интриговали.

К такой атмосфере необыкновенно подходил отчетливый испанский колорит многих песен, как итальянских, так и французских: с непростой квазиэкзотикой Чечилия Бартоли расправлялась по-своему — жаростно и со страстью, а когда под конец (во время берлиозовской «Заиды») она неожиданно взяла с рояля кастаньеты и с бешеной ловкостью отщелкала ими ритм на припевах, восторгу не было предела. Но опять-таки: чувство меры певице не позволило этим злоупотребить; кастаньеты немедленно вернулись на место, и второе отделение завершилось, как и первое, крупным россиниевским оперным фрагментом.

На бис устроители концерта обещали некий колоритный сюрприз. Те, кто полагал, будто этим сюрпризом станет что-нибудь из относительно недавнего репертуара певицы, какой-нибудь XVIII век, сильно прос-

читались, ибо сюрпризом на самом деле стали несколько неожиданные знаки уважения госпоже Бартоли. Вступил чинно молчавший весь концерт Всемирный детский хор ЮНЕСКО (юношество из хора Академии хорового искусства плюс одаренные дети-инвалиды). С ним певица, волнуясь, спела с листа крохотное соло в «Тебе поем» из Рахманиновской «Литургии Иоанна Златоуста», после чего ей спели «Многая лета», с какой-то юмористической обстоятельностью назвав ее в «протодьяконском» возгласении «рабой Божией Чечилией Бартоли». После сладострастно-удалых собственных бисов певицы прозвучало все это, мягко говоря, неожиданно. Впрочем, ничто не мешает певице трактовать это как очередное специфическое проявление трогательного всенародного восхищения, вызывать которое ей так легко и привычно.